

СРАЗУ ЗА ДВУМЯ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ КВАРТАЛАМИ НОРТ-

Бата оживленная деловая Верхняя Главная улица становилась тихой жилой, а еще через три, параллельно старому шоссе 27А, превращалась в спокойную загородную трассу, асфальтированную, двухполосную, змеившуюся по Адирондакским горам на севере штата Нью-Йорк с их крошечными, пришедшими в упадок курортами и далее до цветущего Монреаля. Вдоль Верхней Главной, как называли ее местные, — хотя Главная, от нижнего ее конца, супермаркета и кафе-мороженого “Тейсти Фриз”, до верхнего, “Сан-Су-си”, протянулась от силы на четверть мили — стояли в основном старинные викторианские особняки, обшитые досками, и просторные дома в неогреческом стиле, они чего-то да стоили бы, если бы находились в соседнем штате, Вермонте, и не были выстроены — или перестроены — как жилища на две, а то и на три семьи; квартиры долгие годы сдавали внаем, и дома потихоньку ветшали. Но самой внушительной приметой Верхней Главной были, однако же, не дома, а купы вековых вязов, их кроны зеленым куполом накрывали и улицу, и крутые двускатные крыши этих почтенных домов, окутывая окрестности тенью, пляшущей от ветерка; тень эта маскировала облупившуюся краску и сообщала прелесть увядания покосившимся крыльечкам и кривым карнизам. Жители больших городов, по дороге на север свернувшие с федеральной автострады, чтобы перекусить и заправить машину, порой замедляли ход, проезжая через Норт-Бат, с ностальгией

посматривали на старые дома, гадая, сколько за них просят, какие они внутри, каково было бы жить в них и ходить по этим тенистым улицам. Наверняка здесь жилось бы лучше. Возвращаясь после долгих выходных в большой город, особо впечатлившиеся подумывали свернуть с автострады и снова прокатиться по городку, а быть может, даже узнать, какие дома выставлены на продажу. Но потом вспоминали, что из городка на автостраду выехали с трудом, что Норт-Бат не так уж и близко от шоссе, что в свой большой город они вернутся позже, чем рассчитывали, и объяснить детям на заднем сиденье, что они сделали такой крюк только ради возможности проехать три квартала по тенистой улице, чтобы потом вернуться и поехать обратно, окажется непросто. Они убеждали себя, что такие вот городки — очаровательные зеленые могилы, и порыв еще раз взглянуть на Норт-Бат угасал, не осуществившись, машины пролетали съезд с автострады, не сбавляя скорости.

Пожалуй, они были правы, поскольку то, что привлекало их больше всего в трех кварталах Верхней Главной, — аркада гигантских вязов, — по сути, было обманкой, и те, кто жил под нею, могли это подтвердить. Улица долгое время гордилась своими деревьями, чудесным образом уцелевшими во время вспышки графйоза*. Но недавно деревья вдруг стали причиной бед. Зимой 1979 года прошел ледяной ливень, и следующим летом почти на половине вязов листья пожухли, болезненно пожелтели и вместо середины октября опали в августовскую жару. Вызвали специалистов, те прибыли на трех фургонах, каждый с изображением счастливого дерева, из фургонов вылезли молодые люди в белых халатах — наверное, мнили себя докторами. Они покружили у каждого из деревьев, поковыряли кору, простучали стволы молоточками, будто рассчитывали обнаружить там потайные покои, взяли из сточных канав образцы преющих листьев и изучили их в слабееющем предвечернем свете.

Один молодой человек в белом халате просверлил дыру в вязе на лужайке перед домом Берил Пиплз, сунул в дерево палец в пер-

* Графйоз ильмовых (“Голландская болезнь вяза”) — грибковая болезнь деревьев семейства ильмовых. — *Здесь и далее примеч. перев.*

чатке, облизнул его и скривился. Миссис Пиплз, бывшая учительница восьмых классов, ныне пенсионерка, с самого приезда фургонов наблюдавшая за молодым человеком сквозь жалюзи гостиной, фыркнула.

— А чего он ждал? — вслух сказала она. — Что оно на вкус как клубничное пирожное?

Берил Пиплз, мисс Берил, как звал ее почти весь Норт-Бат, довольно давно жила одна, привыкла к звуку своего голоса и не всегда отличала голос, который раздавался у нее в ушах, когда она говорила, от того, который звучал у нее в голове, когда она думала. В ее понимании это был один и тот же человек, и разговаривать с собой миссис Пиплз стеснялась не больше, чем думать. Она нисколько не сомневалась, что невозможно заглушить один голос, не заглушив и второй, чего она делать никак не собиралась, ведь ей столько еще нужно сказать, пусть даже ее никто не слушал, кроме нее самой.

Например, она охотно сообщила бы молодому человеку, который попробовал на вкус перчатку и скорчил гримасу, что считает его типичным представителем своего запутавшегося времени. Если у современного мира — мира, с которым мисс Берил в свои восемьдесят уже не шагала в ногу, — и был лейтмотив, то заключался он в легкомысленном влечении к новизне. “Не попробуешь — не узнаешь, каково это”, — твердила молодежь. По мысли мисс Берил (а она гордилась своим свободомыслием), о том, каково это, зачастую не так уж и трудно догадаться — по крайней мере, если дать себе труд задуматься, и этот молодой человек, который только что попробовал на вкус древесное содержимое и поморщился, имеет не больше оснований разочаровываться, чем ее подруга миссис Грубер, громогласно заявившая на весь главный обеденный зал мотеля “Нортвудс”, что ей не очень-то понравились ни вкус, ни консистенция улитки, которую она только что выплюнула в салфетку. Гримаса подруги не тронула мисс Берил.

— Ты же видела, как это выглядит, с чего ты взяла, что будет вкусно?

Миссис Грубер не ответила на вопрос. Выплюнув улитку, она не знала, куда деть салфетку.

— Она была серая, склизкая и мерзкая даже на вид, — напомнила подруге мисс Берил.

Миссис Грубер признала, что это правда, но пустилась в объяснения: ее-де привлекла не столько улитка, сколько название.

— У них французское название, — напомнила она, украдкой подменив чистую салфетку с соседнего стола на испачканную. — Эскарго.

Английское название у них тоже есть, заметила мисс Берил. Улитки. Возможно, у конских кашешек тоже существует французское название, но это не значит, что Бог определил их нам в пищу.

Однако в глубине души мисс Берил гордилась подругой, попробовавшей улитку, и не могла не признать, что миссис Грубер гораздо смелей большинства, в том числе и двух Клайвов, за одного из них мисс Берил вышла замуж, второго произвела на свет. Где золотая середина между здоровой тягой к приключениям и обычным здравым смыслом? Вот вопрос, которым свойственно задаваться человеку.

Тот молодой человек, который попробовал внутренность вяза, вероятно, еще глупее миссис Грубер, подумала мисс Берил, так как, едва скорчив гримасу, он тут же стянул перчатку, сунул палец в дыру и снова его облизал — видимо, чтобы удостовериться, что причиной гадкого вкуса была не перчатка, а дерево. Судя по выражению его лица, причиной действительно было дерево.

Чуть погодя молодые люди в белых халатах собрали инструменты и расселись по фургонам с эмблемами счастливых деревьев. Заинтригованная мисс Берил вышла на крыльцо и впиалась в них злым взглядом, так что в конце концов один из приехавших подошел к ней и сказал:

— Здорово.

— И вам не хворать, — ответила мисс Берил.

Молодой человек смутился.

— Каков ваш вердикт? — спросила она.

Молодой человек пожал плечами, потянулся, выпятив грудь, и посмотрел на решетку черных ветвей.

— Старые они, вот и все. — Он перевел взгляд на мисс Берил, их глаза были приблизительно вровень, хотя он стоял на нижней

ступеньке, а она наверху крыльца. — Вот этому, черт возьми, — он указал на вяз мисс Берил, — по человеческим меркам уже лет семьдесят.

Молодой человек произнес это без всякой задней мысли, хотя крошечная старушка, которой он это сообщил, — со спиной согнутой, точно локоть, — по его собственной аналогии была ровесницей дерева.

— Можно было бы подбодрить его витаминами, — продолжал он, — но... — Молодой человек многозначительно замолчал, явно уверенный, что мисс Берил хватит ума догадаться, куда он клонит. — Счастливо оставаться. — Молодой человек вернулся в фургон с эмблемой счастливого дерева и уехал.

Если “подбадривание” и подействовало, то, по мнению мисс Берил, исключительно пагубно. Той же зимой от вяза миссис Боддiker под тяжестью налипшего мокрого снега отломилась огромная ветка, точно хрупкая косточка, и рухнула, но не на крышу миссис Боддiker, а на крышу ее соседки, миссис Мерриуэзер, и начисто снесла кирпичную дымовую трубу. Упавшая труба не оставила камня на камне от птичьей купальни миссис Грубер, той самой миссис Грубер, которая разочаровалась в улитках. С этого первого происшествия каждая зима приносила невзгоды, и последнее время жители Верхней Главной всматривались в купол изогнутых ветвей со страхом, а не с привычным религиозным благоговением, словно сам Бог обернулся против них. Обозревая паутину черных сучьев, жители Верхней Главной выискивали на деревьях соседей особенно угрожающие ветки и рекомендовали их обрезать; стоило это дорого. По правде говоря, деревья были такие раскидистые, а кроны их так высоки, так далеки от вглядывавшихся в них старческих глаз, что оставалось только гадать, на каком дереве растет какая ветка и кто окажется виноват, если она упадет.

История с деревьями стала очередным несчастьем, но, как повторяли жители Норт-Бата, не было бы счастья, да несчастье помогло. Строго говоря, это было не совсем так, поскольку самим своим существованием городок был обязан геологической удаче в виде отменных минеральных источников, в колониальную пору

здесь был летний курорт, пожалуй, первый в Северной Америке, сюда приезжали даже из Европы. К 1800 году предприимчивый коммерсант по имени Джебедаей Холзи выстроил огромный отель почти на триста номеров и назвал его “Сан-Суси”, хотя местные окрестили его “Глупостью Джебедаей”, ведь всем известно, что невозможно заполнить триста номеров в местности, еще недавно пустынной. Но Джебедаей Холзи все-таки удалось их заполнить, и к 1820-му по соседству выросли отели поменьше, дабы справиться с избытком гостей, проселочные дороги были запружены щегольскими экипажами съезжавшихся на воды в Бат (ибо город тогда назывался просто “Бат”, а приставка “Норт”, северный, добавилась век спустя, чтобы отличить его от другого, более крупного города с таким же названием на западе штата, хотя жители Норт-Бата упрямо именовали его просто “Бат”). Сюда ехали не только пить целебные минеральные воды, поскольку, когда Джебедаей Холзи, человек религиозный, продал “Сан-Суси”, новый владелец монополизировал рынок и дистиллированных, и минеральных вод, и долгими летними вечерами гостиные и бальная зала “Сан-Суси” полнились бонвиванами. Бат процветал, и никто не обращал внимания, что в нескольких милях к северу обнаружили другие отличные минеральные источники — близ крошечного поселения, из которого впоследствии вырос городок Шуйлер-Спрингс, соперник Бата по части целебных вод. Обитатели Бата и владельцы “Сан-Суси” в буквальном смысле не знали забот до самого 1868 года, когда случилось немыслимое: минеральные источники неожиданно-негаданно и без очевидных причин принялись, как удача, иссякать один за другим, а с ними и будущее, и благополучие Бата.

По воле случая (а чем еще это объяснить?) упадок Бата пошел на пользу новоявленному курорту Шуйлер-Спрингс. И хотя появился этот курорт благодаря тому же геологическому разлому, что и минеральные источники Бата, родники Шуйлер-Спрингс текли как ни в чем не бывало, и постояльцы, чьи щегольские экипажи долгие годы въезжали на круглую аллею перед парадным входом “Сан-Суси”, ныне проделывали еще несколько миль и останавливались у более просторного и элегантного отеля в Шуйлер-

Спрингс, достроенного в тот самый год (чем не счастливая случайность!), когда пересохли источники в Бате. Впрочем, пожалуй, то была совсем не случайность. В городке Шуйлер-Спрингс не один год мостили дороги, инвесторы из южных районов штата и местные коммерсанты предлагали публике развлечения иные, чем в “Сан-Суси”. В Шуйлер-Спрингс все лето устраивали профессиональные боксерские поединки, играли в азартные игры, вдобавок здесь строили ипподром для скачек на чистокровных верховых лошадях, открытия ипподрома ждали с нетерпением. Жители Бата, разумеется, знали об этих затеях, следили за ними и поначалу с ликованием предвкушали их провал, поскольку прожекты Шуйлер-Спрингс представлялись им глупостью еще большей, чем “Сан-Суси” с тремя сотнями номеров. На этом клочке земли, несомненно, нет никакой нужды в двух курортах, двух гранд-отелях. Следовательно, Шуйлер-Спрингс обречен. И глупости есть предел. Правда, “Сан-Суси” Джебедаи Холзи оказался не столько глупостью, сколько “дальновидностью” — всем известно, что так называют глупость, несмотря ни на что обернувшуюся выгодой. И после того, как источники пересохли и постояльцы перебрались на соседний курорт, люди не преминули заметить, что успех “Сан-Суси” оказался временным. Подавляющее большинство пяти сотен его номеров (поскольку года за три до того, как источники пересохли, отель перестроили на очень широкую ногу) ныне пустовали, как и предсказывалось изначально. Прорицатели хвалили себя за исконную прозорливость, а обитатели некогда удачливого, а ныне трагически неудачливого городка Бата сидели и ждали, что им опять повезет. Но тщетно.

К 1900 году Шуйлер-Спрингс обошел всех конкурентов. Пожар в “Сан-Суси”, случившийся в 1903-м, символизировал окончание борьбы, но, разумеется, она была проиграна уже давным-давно, и большинство сходилось во мнении, что пожар в “Сан-Суси” нельзя назвать несчастливой случайностью, поскольку поджог, скорее всего, устроил сам владелец, чтобы получить страховку. Владелец погиб на пожаре, очевидно пытаясь вновь развести огонь после того, как стало ясно, что ветер переменялся и сгорит разве что старая деревянная постройка, но никак

не новая, — если, конечно, он чего-нибудь не придумает. Трудно сказать, что *считать везением*, когда речь заходит о людях и их делах. То, что ветер переменялся, когда этого не требовалось, можно назвать невезением, но как быть с человеком, подкатившим бочку с керосином к огню, который он сам и развел? И если искра отправила его в вечность, значит ли это, что ему попросту не повезло?

Как бы то ни было, городок Норт-Бат ныне, поздней осенью 1984 года, по-прежнему ждал, что рано или поздно ему опять повезет. Тому были обнадеживающие признаки. Следующим летом должен был открыться восстановленный “Сан-Сузи” — то, что от него осталось, — и на обширной территории отеля удалось пробурить новый источник. А удача, как говорится, рано или поздно возвращается на круги своя.

Утром в канун Дня благодарения, через пять зим после того, как первый вяз ополчился на жителей Верхней Главной, разбив крышу старой миссис Мерриуэзер и обратив в руины птичью купальню миссис Грубер, мисс Берил, извечная ранняя пташка, проснулась еще раньше обычного и со смутным ощущением беспокойства. Она села в постели, пытаясь определить источник беспокойства, и у нее из носа хлынула кровь. Это началось внезапно и так же внезапно закончилось. Большую часть она поймала клочком салфетки из коробочки, которую держала на тумбочке у кровати, а едва кровотечение прекратилось, решительно смыла салфетку в унитаз. Ей сразу же стало легче — оттого ли, что исчезла улика, или от самого кровотечения? Этого мисс Берил не знала, но, приняв ванну и одевшись, почувствовала себя еще лучше, а когда вышла в гостиную выпить чая, с удивлением и удовольствием обнаружила, что ночью намело. Снега не обещали, однако он шел, тяжелый мокрый снег облепил перила и сучья, вся улица стояла белым-бела. В серых утренних сумерках все казалось загадочным, неземным, мисс Берил смотрела на темную улицу, пила чай, мимо бесшумными зигзагами, точно в слаломе, прокатила

машина, оставляя следы на свежем снегу, и смутное ощущение беспокойства, с которым проснулась мисс Берил, вернулось, хотя и не так остро. Чей черед настанет этой зимой? — гадала она, раздвинув жалюзи, чтобы видеть кроны деревьев.

И хотя мисс Берил слишком внимательно наблюдала за жизнью, чтобы верить в божественную справедливость, порой ей казалось, что она все же различает Господень замысел. Пока что ей везло. Бог попустил веткам упасть на соседок, не на нее. Однако она сомневалась, что Он и впредь обойдет ее вниманием с этими падениями веток. Этой зимой Он, быть может, обрушит на нее кару.

— В этом году моя очередь, — вслух проговорила она, обращаясь к мужу, Клайву-старшему, с мудрой улыбкой смотревшему на нее с телевизора.

Клайв-старший, двадцать лет как покойный, мог похвастаться ровным нравом. Он взирал на все из-за стекла, и ничто его особо не трогало, даже если он и опасался, что этой зимой придет черед его жены, то виду не показал.

— Ты слышишь меня, звезда моего небосклона? — допытывалась мисс Берил. Но Клайву-старшему ответить ей было нечего, и мисс Берил нахмурилась. — Лучше я поговорю с Эдом, — сказала она мужу.

“И пожалуйста”, — казалось, ответил Клайв-старший: за стеклом ему ничто не угрожало.

— Как думаешь, Эд? — спросила мисс Берил. — В этом году моя очередь?

Инструктор Эд, африканская маска мисс Берил, таранился на нее со своей жердочки на стене. У Эда было мрачное человеческое лицо, рога антилопы и зубастый клюв, из-за чего выражение у маски, по мнению мисс Берил, было смертельно обиженное. Он выглядел точь-в-точь как Клайв-старший, узнавший, что ему придется давать уроки вождения старшеклассникам, уверяла мисс Берил двадцать лет назад, когда только купила Эда. Клайв-старший был тренером по футболу, и последние его годы прошли не так, как он предполагал. Во-первых, после того как его футбольная команда начала проигрывать, от него потребовали преподавать

еще и основы гражданственности, однако проигрыши не прекратились, и его обязали вести уроки вождения — это во-вторых. С футболом было покончено: школьников после войны становилось все меньше, численность населения падала, вдобавок команда неизменно терпела унижения от главного соперника, Шуйлер-Спрингс; муж мисс Берил не знал, как быть, и отдался на волю случая. Уроки вождения вогнали его в могилу — девица по имени Одри Пич без причины и предупреждения врезала по тормозам, и Клайв-старший влетел в ветровое стекло новенькой учебной машины; было раннее утро, он толком и не проснулся. Клайв-старший не пристегивался никогда. Он заставлял учеников и пассажиров обязательно пристегнуться, сам же терпеть не мог давящие ремни. Клайв-старший считал так: раз уж он втиснулся в малолитражку, деваться ему особо некуда. Большому мужчине — большая машина; он подозревал, что школьный совет купил этот говенный учебный автомобильчик в наказание за проигранные матчи, теперь уже в баскетболе, а ведь этот вид спорта ему даже не нравился. В малолитражке его охватывала такая клаустрофобия, что трудно было сосредоточиться на обучении. Из-за низкой крыши ему приходилось сутулиться, чтобы видеть, куда направляется юная Одри Пич. И когда она ударила по новеньким тормозам, эта почти игрушечная машинка — подумать только — остановилась как вкопанная, а Клайв-старший продолжил движение, его пулеви́дный череп пробил ветровое стекло, застыл на мгновение, как нечестивец в колодках, но машина дернулась, и Клайв-старший со сломанной шеей отлетел на сиденье — кровавый наглядный урок, единственный автоинструктор на севере штата Нью-Йорк, погибший при исполнении служебных обязанностей.

— Видишь? — спросила мисс Берил фотографию мужа. — Эд тоже так считает.

По крайней мере, утешала она себя, даже если ее настигнет Божья кара, материальное ее положение все же лучше, чем у большинства соседок. Мисс Берил могла поздравить себя с тем, что не только хорошо застрахована, но и достаточно обеспечена. Она вдова, как и многие владелицы домов на Верхней Главной, формально никакая не “мисс”, муж оставил ей обе свои пенсии, вете-

ранскую и трудовую, и вместе с ее собственной трудовой пенсией и социальными выплатами получалась круглая сумма, так что мисс Берил сознавала: она куда благополучней миссис Грубер и прочих. Жизнь, которая, по твердому убеждению мисс Берил, все больше клонилась к жестокости, тем не менее избавила ее от финансовых трудностей, и она была этому рада.

В остальном жизнь была к ней менее добра. В Норт-Бате ее звали “мисс” Берил, потому что воинственно необучаемые восьмиклассники, которых она наставляла сорок лет, полагали, что у такой страхолюдной чудачки нет и не может быть мужа. Они отказывались поверить в обратное, даже столкнувшись с неопровержимым доказательством. С первого школьного дня они машинально звали ее “мисс Пиплз” или “мисс Берил” и не обращали внимания, когда она поправляла их. Клайв-старший придерживался того мнения, что дети искренне считали всех своих учительниц старыми девами, его эта ситуация забавляла, он и сам частенько называл жену “мисс Берил”. Нельзя сказать, что Клайв-старший был отпетым дураком, и все же он не замечал изрядную долю того, что мисс Берил называла “нюансами жизни”, и одним из нюансов была обида, которую он бездумно причинял жене, когда называл ее этим именем, — оно подразумевало, что он видит ее такой же, как прочие люди. А ведь Клайв-старший — единственный из всех — находил мисс Берил желанной, поэтому ей казалось почти непростительным, когда он эдак походя в этой единственной мелочи отбирал у нее дар своей любви, отбирал постоянно и всегда с широкой улыбкой.

Однако он *правда* ее любил. Она это знала, и благодаря этому знанию ей тоже жилось лучше, чем большинству соседок, чьи мужья, скончавшись, оставляли своих вдов, как правило, неподготовленными к десяти, а то и двадцати годам одинокого существования. Та же миссис Грубер никогда нигде не работала, занималась исключительно домом и имела весьма слабое представление о том, как устроена жизнь, не считая того факта, что жизнь эта все время дорожает. Да, среди перепуганных вдов Верхней Главной профессия была только у мисс Берил. Прежде мужья защищали их от падающих сучьев жизни, ныне же их ветеранских пособий

и скудных социальных выплат толком ни на что не хватало, и вдовы из нужды сдавали комнаты на втором этаже своих домов, хотя денег, полученных с постояльцев, зачастую едва доставало на ремонт гниющих столетних труб, перегруженных изношенных проводок и повреждений от упавших веток. В довершение всех бед взлетели налоги на недвижимость под давлением спекулянтов с юга штата — похоже, там верили, что Бат и все прочие маленькие городки в коридоре между Нью-Йорком и Монреалем в восьмидесятые и девяностые резко вырастут в цене. И Бат во многом укреплял их в этой мысли, хотя по нему и не скажешь. Не только из-за старого отеля “Сан-Суси”, который должен был открыться будущим летом после грандиозной реставрации, но и из-за обширного участка болотистой земли меж городком и федеральной автомагистралью: на этом участке подумывали выстроить луна-парк под названием “Последнее прибежище”. Сын мисс Берил, Клайв-младший, последние десять лет руководитель отдела сбережений и займов банка Норт-Бата, возглавлял группу местных инвесторов, чтобы луна-парк уж точно появился; он безоговорочно поддерживал суждения о том, что коль скоро земля ограничена, то будущее безгранично. “Через двадцать лет, — любил говорить он, — не будет такого понятия, как «неудачное местоположение»”.

Мисс Берил с сыном не спорила, но и не разделяла его оптимизма. По ее мнению, неудачные местоположения будут всегда (хотя, возможно, она несколько заблуждается), и Клайв-младший сам это выяснит, вложив в них деньги. Клайв-младший был циничным оптимистом. Он считал, что люди разоряются по двум причинам: глупости и недомыслию. Чужая глупость — хорошая вещь, полагал Клайв-младший, ведь на ней можно нажиться. Чужие финансовые неудачи суть возможность, а не повод для беспокойства. Ему нравилось анализировать эти неудачи и обнаруживать, что причина их заключалась в недомыслии, недостаточном честолюбии, мелочности. Он гордился, что избавил отдел сбережений и займов банка Норт-Бата от таких нездоровых понятий. Годами это учреждение потихоньку, шаг за шагом, двигалось к банкротству — результат деятельности предшественника Клай-

ва-младшего, глубоко подозрительного пессимиста из Мэна, ненавидевшего давать деньги в долг. Тот факт, что к нему приходили, просили денег и зачастую на самом деле в них нуждались, означал для него вероятность, что долг погашен не будет. Он по глазам просителей видел, что они терпят нужду, и не верил, что нужда эта исчезнет. Он считал, что деньгам его учреждения безопаснее лежать в хранилище, чем в их карманах. Он даже умер в банке, в воскресенье, в своем кожаном кресле, заперев, как обычно, дверь кабинета, точно боялся, что его станут донимать просьбами вечером выходного дня, когда банк на замке. Его обнаружили в понедельник утром, в состоянии выраженного трупного окоченения, мало чем отличавшегося, как говорили позднее, от положения учреждения, которым он управлял.

Дела принял Клайв-младший, и политика банка стала более гибкой. Первым делом он постелил в вестибюле ковер взамен старого, истертого до полупрозрачности, если не до дыр, — везде, кроме коридора у кабинета генерального директора, куда почти никто не ходил. На ближайшие десять лет Клайв поставил перед собою цель увеличить в десять раз активы отдела сбережений и займов и объявил о своем решении активно вкладывать деньги — те, что еще оставались, — и даже, буде потребует положение, выдавать кредиты. После долгих лет пессимизма, утверждал Клайв-младший, пришла пора умеренного оптимизма. Более того, именно такое настроение царило тогда в стране.

Если Клайв-младший в чем и разделял позицию своего предшественника, то в недоверии к обитателям Норт-Бата — оба считали их рохлями. Однокашники Клайва и в старших классах были рохлями, и остались такими в зрелости. Он предпочитал иметь дело с вкладчиками и заемщиками из южной части штата и из других штатов, даже из Техаса, убежденный в том, что они будущее Бата, — подобно тому, как недавно они спасли Клифтон-парк и прочие прежде зажиточные пригороды Олбани. “Деньги с юга крадутся на север”, — говаривал Клайв-младший матери, и это замечание неизменно заставляло ее взглянуть на него поверх очков для чтения. Образ денег, крадущихся по федеральной автомагистрали, казался мисс Берил зловещим. “Поверь мне на слово,

ма, — не унимался Клайв, — когда придет время продать этот дом, ты выручишь круглую сумму”.

Фразы вроде “когда придет время” пугали мисс Берил. Из уст Клайва-младшего они звучали угрожающе. Мисс Берил гадала, что конкретно он имеет в виду. Кому решать, что “время пришло”, ей или ему? Навещая мать, он оценивал дом взглядом риелтора, находил предлоги спуститься в подвал и подняться на чердак, точно хотел убедиться, что, “когда придет время” наследовать материнскую собственность, та будет в хорошем состоянии. Он возражал против того, чтобы мать сдавала комнаты на втором этаже Дональду Салливану, — Клайв-младший издавна таил на него злобу, и ни один визит сына, даже самый короткий, не обходился без повторявшейся просьбы вышвырнуть Салли из дома, пока тот не заснул, не потушив сигарету. Клайв-младший так по-деловому высказывал эту свою озбоченность, что мисс Берил не сомневалась: сына беспокоит не столько то, что сгорит его старуха-мать, сколько то, что сгорит дом.

Мисс Берил корила себя за такие недобрые мысли о своем единственном ребенке, порой даже пыталась убедить себя, что заблуждается, и проникнуться к сыну более естественной материнской привязанностью. Однако трудность заключалась в том, что с Клайвом-младшим естественная материнская привязанность не давалась мисс Берил естественным образом. Тот Клайв-младший, что стоял на телевизоре напротив отца, казался довольно милым, как если бы камера поймала лицо чужака, а не угрюмого, неуверенного, стареющего банкира. По правде говоря, лицо Клайва-младшего, в чем-то еще мальчишеское, словно излучало надежду — в том возрасте, когда неизменность бытия уже оставила неизгладимый след на лицах большинства мужчин. Клайв-младший — по крайней мере, тот Клайв-младший, который стоял на телевизоре, — по-прежнему поражал мисс Берил своей неопределенностью, хотя ему должно было стукнуть пятьдесят шесть. Другое дело — Клайв-младший в жизни. Всякий раз, как он являлся с очередным визитом и запечатлевал на лбу мисс Берил сухой неприятный поцелуй, после чего возводил глаза к потолку в поисках протечек, характер его — если это можно назвать характером — казался столь же установившимся и неизменным, как у политика-

консерватора на пятом сроке. Мисс Берил терпеливо сносила визиты сына и его бесконечные финансовые советы со всем добродушием, на какое была способна. Он говорил ей, что делать и почему, она вежливо выслушивала и отметала его рекомендации. По мнению мисс Берил, Клайва-младшего переполняют вздорные идеи и к каждой он относится так, словно она явилась в горящем кусте, а не в его горячем мозгу. “Ма, — пенял ей Клайв в тех случаях, когда она подчеркнуто отказывалась следовать его совету, — ты как будто мне не доверяешь”.

— Я тебе не доверяю, — произнесла мисс Берил вслух, обращаясь к фотокарточке сына на телевизоре, и добавила мужу: — Извини, но я ничего не могу с этим поделать. Я не доверяю ему. Эд понимает — не правда ли, Эд?

Клайв-старший лишь улыбался в ответ, как ей казалось, немного печально. После смерти он все чаще принимал в спорах сторону сына. “Верь ему, Берил, — шептал ей муж негромко, точно боялся, что услышит Инструктор Эд. — Он наш сын. Теперь он звезда твоего небосклона”.

— Я стараюсь, — заверяла мисс Берил мужа — и не врала. За последние пять лет она дважды одалживала Клайву-младшему деньги и даже не спрашивала, что он намерен с ними делать. В первый раз пять тысяч долларов. Во второй — десять тысяч. Ей было бы неприятно потерять эти суммы, но, говоря по правде, она могла позволить себе потерять их. Однако Клайв-младший оба раза вернул ей долг в условленный срок, и мисс Берил, сиюсь найти повод не верить сыну, обнаружила, что несколько разочарована возвратом денег. В сущности, она не могла избавиться от исключительно постыдного подозрения — Клайв-младший вовсе не нуждался в деньгах, а в долг попросил, чтобы доказать ей, что ему можно доверять. В ее голову даже закралась такая мысль: сын стремился не получить часть того, что и так довольно скоро будет принадлежать ему, а распорядиться целым. Но для чего? Мисс Берил вынуждена была признать, что логика ее подозрений хромает. В конце концов, и ее деньги, и дом на Верхней Главной со всем его немалым содержимым — словом, все отойдет Клайву-младшему, когда, как он выражается, “придет время”.